

Пока его мысли лихорадочно метались, не успевая выстроиться в стройную цепочку, позади послышался голос — чистый, как горный ручей, с едва уловимой ноткой тревоги и радости. Он пролился бальзамом на сердце, вмиг разогнав беспокойство и тревогу.

— Господин Цзян, вы и вправду здесь.

Голос был до того знаком, что, казалось, преодолел саму ткань времени, отозвавшись в самых глубинах души. Цзян И резко обернулся и, скользнув взглядом поверх редких прохожих, замер. Неподалеку, под мерцающим уличным фонарем, стояла она.

В тусклом желтоватом свете ее фигура казалась безупречной. Цай Янь стояла прямо, облаченная в скромное, но изящное платье цвета лунного света, которое слегка колыхалось на вечернем ветру, словно она была небесной девой, спустившейся в мир смертных. В руках она бережно прижимала к себе цинь «Обугленный хвост». Плавные изгибы инструмента идеально гармонировали с ее холодным, отрешенным изяществом. Мягкие тени от фонаря падали на ее тонкий профиль, а взгляд прекрасных, как осенние воды, глаз был устремлен прямо на него. В них читалась целая гамма чувств: облегчение от встречи со старым знакомым, беспокойство о судьбе страны и еще что-то... трудноопределимое. Неужели это была привязанность?

— Госпожа Цай! — с искренним восторгом воскликнул Цзян И. Он в несколько шагов преодолел расстояние между ними, и радость встречи мгновенно вытеснила все прежние тревоги. Он внимательно взгляделся в ее лицо: хоть она и выглядела утомленной долгой дорогой, с ней всё было в порядке, и на душе стало спокойнее. — Вы нашли отца? — с тревогой спросил он о самом важном.

При этих словах блеск в глазах Цай Янь потускнел, словно звезды, скрытые тонкой пеленой облаков. Она едва заметно покачала головой, и прядь черных волос, скользнув по щеке, лишь добавила ей трогательности.

— Отец все еще в Шофане, вестей от него нет. Путь опасен, и я... не смогла добраться, — голос ее затих, наполненный глубокой печалью и тоской.

Вдруг она подняла голову и, быстро окинув взглядом одежду Цзян И, заметила на ней крупные темные пятна засохшей крови. Ее зрачки сузились, а в голосе зазвучала явная тревога:

— Господин Цзян! Вы... вы ранены?!

Она инстинктивно сделала полшага вперед, словно собираясь осмотреть его.

Эта забота согрела сердце Цзян И. Он поспешно замахал руками, успокаивающе улыбнувшись:

— Не тревожьтесь, госпожа Цай, это не моя кровь.

Он обернулся к трем спутникам, ожидавшим неподалеку:

— Помогал оборонять город, перевязывал раненых, вот и испачкался. Как раз вовремя вы пришли, — его тон стал оживленнее. — Позвольте представить вам моих новых знакомых.

Сюй Шу, Си Чжицай и Цзя Сюй уже во все глаза смотрели на эту сцену. С того самого момента, как появилась Цай Янь, ее необыкновенная стать приковала к себе все их внимание. Она была изящна, как орхидея в пустой долине, и в каждом ее движении чувствовалась та особая порода, присущая благородным домам, — достоинство, которое не смогли стереть никакие невзгоды. Таких женщин в эпоху хаоса встретишь нечасто. Особенно поражен был

Сюй Шу: он много путешествовал и повидал немало знатных девиц, но подобное сочетание внутренней силы, утонченности и скрытого за скромным платьем поэтического духа видел впервые.

Цзян И официально представил гостью:

— Это госпожа Цай Янь, дочь господина Цай Юна, чжунлана.

Затем он повернулся к ней:

— Госпожа Цай, это три выдающихся мужа из Инчуаня: Сюй Шу по прозвищу Юаньчжи — человек рыцарского духа и глубоких познаний; Си Чжун, он же Чжицай — мыслитель с проницательным умом и блестящим талантом; и Цзя Сюй, известный как Вэньхэ — мастер стратегии с уникальным взглядом на вещи.

Цай Янь поклонилась, соблюдая все правила приличия, и произнесла ясным голосом:

— Давно наслышана о том, что Инчуань — край талантов. Сегодня, встретив вас, господа, я убедилась, что слухи не лгут. Для меня большая честь познакомиться.

Ее взгляд по очереди коснулся каждого из троих — в нем не было ни капли высокомерия, лишь должное уважение к ученым мужам.

Сюй Шу и остальные поспешили ответить взаимностью, не смея проявить небрежность. В глазах Сюй Шу читалось чистое восхищение, Си Чжицай же, внимательно изучая гостью, тихо заметил Цзя Сюю:

— Дочь самого Цай Боцзе... неудивительно, что она столь необычна. В ее глазах видна печаль, но она лишь подчеркивает ее природную одухотворенность.

Цзя Сюй едва заметно кивнул, его взгляд незаметно скользнул от Цай Янь к Цзян И. В его глубоких, как колодец, глазах мелькнуло понимание, а уголки губ тронула едва уловимая усмешка — он словно разгадал невысказанное чувство, но тут же вновь стал невозмутим.

— Где вы остановились, госпожа? — с беспокойством спросил Цзян И. После недавних боев в городе было неспокойно, и он опасался за ее безопасность.

— В гостинице Юэлай, что на востоке города, — тихо ответила Цай Янь. Ее взгляд снова вернулся к Цзян И, и в нем промелькнуло смущение. — Я... узнала, что господин Цзян остановился у господина Сюя, а в городе начались беспорядки, вот и пришла...

Она осеклась, и ее щеки в свете фонаря окрасились нежным румянцем, похожим на лепестки персика. Смысл был ясен: она пришла сюда специально ради него.

Эта прямота, смешанная со скромностью, заставила сердце Цзян И дрогнуть. Его охватило тепло, а вместе с ним — и чувство тяжелой ответственности. Перед глазами промелькнула трагическая судьба Цай Янь, описанная в истории. Если он оставит ее при себе и защитит, сможет ли он изменить ее горький финал?

— Если госпожа не побрезгует скромной трапезой, почему бы нам не поужинать вместе? — вовремя предложил Сюй Шу, чтобы разрядить неловкую тишину. — У господина Цзяна талант к кулинарии, а я давно мечтал прикоснуться к искусству музыки и был бы рад получить от вас совет.

Цай Янь не ответила сразу, а вопросительно взглянула на Цзян И. Увидев, что тот улыбнулся и кивнул, она слегка склонила голову:

— В таком случае, не смею отказываться. Благодарю вас, господин Сюй.

Ее доверие к Цзян И было очевидно всем присутствующим.

Впятером они прошли по опустевшим после сражений улицам и вернулись в небольшой, но опрятный дворик Сюй Шу. Сюй Шу и Си Чжицай расчистили каменный стол, а Цзя Сюй молча зажег лампу поярче. Цзян И отмыл руки от крови и переоделся в чистое. Цай Янь тоже привела себя в порядок.

Ужин был простым: густая каша из проса, припасенного Сюй Шу, с дикими овощами и вяленным мясом, да несколько лепешек из грубой муки. Но после дневных ужасов эта горячая еда казалась даром небес.

За столом беседа постепенно оживилась. Цай Янь оказалась невероятно эрудированной. Она рассуждала об музыке, о тонкостях звучания циня, о каллиграфии своего отца, утверждая, что почерк — это отражение души человека. Ее глубокие суждения заставляли Сюй Шу и Си Чжицай согласно кивать. Сюй Шу рассказывал о своих скитаниях, о встречах с героями и удивительных людях. Си Чжицай перевел разговор на политику, остро и пронизательно критикуя коррупцию и слабость двора. Даже молчаливый Цзя Сюй иногда вставлял меткие замечания, которые заставляли всех задумываться.

Цзян И молча слушал, глядя на эти молодые, одухотворенные лица. Эти люди, чьи имена спустя тысячелетия будут греметь в истории, сейчас сидели перед ним, рассуждая о судьбах Поднебесной. А он, душа из будущего, оказался частью этого разговора.

— Госпожа Цай, ваша игра божественна, — сказал Сюй Шу, когда ужин закончился. — Не окажете ли вы нам честь? В такой вечер, под луной Инчуаня, ваша музыка была бы лучшим украшением.

Цай Янь взглянула на Цзян И, ища поддержки. Тот ободряюще кивнул. Она взяла цинь, коснулась струн, и в тишине двора разлился чистый, пронзительный звук. Мелодия была подобна горному потоку: то бурная и величественная, как скалы, то нежная и тихая. Она рассказывала об одиночестве, о странствиях и о поиске родственной души.

Когда музыка стихла, наступила долгая тишина.

— Эта музыка не от мира сего, — наконец выдохнул Си Чжицай. — Как называется это произведение?

— Высокие горы и текущие воды, — ответила Цай Янь, бросив на Цзян И выразительный взгляд.

Сердце Цзян И забилось чаще. Бо Я и Цзы Ци — история о поиске истинного друга. Цай Янь играла эту мелодию для него!

— Чудесно! — воскликнул Сюй Шу.

Цзя Сюй лишь коротко бросил:

— Достоинно.

Позже, провожая Цай Янь до гостиницы, Цзян И шел с ней бок о бок под луной.

— Господин Цзян, — тихо произнесла она, — если вы не против, я хотела бы следовать за вами. В эти смутные времена, когда отец далеко, а путь опасен, я... я очень уважаю вас и верю вам.

Цзян И замер. Это был шанс изменить ее судьбу.

— Для меня большая честь, госпожа Цай! — твердо ответил он. — Но путь впереди полон опасностей. Я боюсь...

— Я не боюсь, — перебила она, глядя ему прямо в глаза. — Я видела достаточно бед. С вами, господин, я чувствую себя в безопасности.

Когда он вернулся в дом, Сюй Шу сидел с книгой, но не читал.

— Цзян, — сказал он, глядя на него пронизательно, — мы стали братьями, но кто ты на самом деле? Твои познания, твои предсказания... ты не просто отшельник из Ичжоу.

Цзян И помедлил, а затем ответил честно:

— У меня есть свои тайны, Юаньчжи. Но я клянусь: я не желаю зла ни тебе, ни нашим друзьям.

Сюй Шу рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Я верю тебе! Но остерегайся Цзя Сюя. Этот человек — бездонная пучина. Он следит за тобой.

Цзян И кивнул. Он знал это.

— Юаньчжи, — сменил тему Цзян И, — мир рушится. Что ты намерен делать?

— Я ищу достойного господина, чтобы навести порядок в Поднебесной, — ответил Сюй Шу.

Цзян И улыбнулся:

— А слышал ли ты когда-нибудь о Лю Бэе, Лю Сюаньдэ из Чжоцзюня?

— Лю Бэй? — Сюй Шу на мгновение задумался. — Вы имеете в виду того самого полковника Лю, что поднял восстание в Чжоцзюне и участвовал в подавлении Желтых повязок, снискав славу храброго и добродетельного мужа? Кое-что слышал о нем. Говорят, его сопровождают Гуань Юй и Чжан Фэй, воины, способные противостоять тысячам, и он уже приобрел некоторую известность в краях Ю и Цзи. Брат Цзян, похоже, вы... весьма высокого мнения об этом человеке? — Он пронизательно уловил скрытый смысл в словах Цзян И.

Цзян И слегка улыбнулся и продолжил свою мысль:

— Именно о нем я и говорю. О человеке судят по его друзьям, а также по его стремлениям. Хотя Лю Сюаньдэ и вышел из низов, он живет по законам милосердия и добродетели, проявляя широту души и любовь к народу, за что его глубоко почитают в Чжоцзюне. А то, что такие непревзойденные, доблестные и верные полководцы, как Гуань Юй и Чжан Фэй, поклялись следовать за ним до самой смерти, доказывает: в нем есть нечто выдающееся, он отнюдь не заурядная личность. Но что еще важнее, — он понизил голос, и взгляд его стал глубоким, — у

этого человека великие помыслы. Он умеет терпеть невзгоды и проявлять нестигаемую волю. Его амбиции... боюсь, не ограничатся лишь одним округом или областью.

Он замолчал, не став прямо говорить о будущем разделении Поднебесной на три части.

В глазах Сюй Шу блеснул огонек, он задумчиво произнес:

— Брат Цзян, вы, похоже, крайне высоко оцениваете этого человека? Неужели только на основании слухов?

— Это не просто слухи, — покачал головой Цзян И. — Я случайно встретил его земляка, который рассказывал, что еще в юности Лю Бэй мечтал о величии императора. И хотя над ним смеялись, называя это безумием, уже тогда проявилась его натура. К тому же он искренен с людьми: может сидеть за одним столом с торговцами и простолюдинами, делить с ними еду и питье. В наши смутные времена такое милосердие — величайшая редкость. Если однажды, брат Юаньчжи, вы решите выбрать себе господина, возможно, стоит присмотреться к этому человеку.

Он дал вполне определенный намек. Сюй Шу погрузился в раздумья, его пальцы бессознательно постукивали по бамбуковым дощечкам — слова Цзян И явно взволновали его. Ему требовалось время, чтобы все обдумать и проверить.

Ночь была глубокой и тихой. Цзян И лежал на простой кровати, приготовленной для него Сюй Шу, но сон не шел. За окном в зените застыла полная луна, заливая подоконник серебристым светом. Поездка в Инчуань принесла плоды, превзошедшие все ожидания. Он не только сумел предупредить о восстании Желтых повязок и сберечь жизненные силы Инчуаня, но и, что самое важное, завязал знакомства с Сюй Шу, Си Чжицаем и Цзян Сюем — тремя ключевыми фигурами, которым предстояло вершить судьбы эпохи. Но еще больше его волновало развитие отношений с Цай Янь. Ее решение последовать за ним, то доверие и едва уловимые чувства, что она проявляла, возлагали на него огромную ответственность и одновременно дарили надежду на то, что он сможет изменить ее судьбу.

Теперь его взор должен был устремиться на далекий север. Чжао Цзылун из Чаншаня — сейчас он наверняка еще дома. Этот прославленный герой, чья храбрость не знала границ, должен быть найден как можно скорее. А еще Чэнь Гун, Чэнь Гунтай — стратег с выдающимся умом, но прямолинейным и нестигаемым характером... Невидимая сеть планов медленно разворачивалась в его сознании.

Среди этих мыслей он вдруг вспомнил мелодию Высоких гор и текучих вод, что лилась из-под пальцев Цай Янь. Тот вечный призыв в поисках родственной души, те ясные глаза, полные невысказанных слов в лунном свете... Неопишуемое чувство всколыхнулось в груди. Он машинально коснулся груди и достал бамбуковую свирель. Это не было древним артефактом: он сделал ее сам, используя современные знания, тщательно подбирая материал и настраивая внутреннюю камеру. Звук у нее был чистым и мелодичным, превосходящим все инструменты той эпохи.

Он поднес свирель к губам и легко дунул. Чистый, пронзительный и необычайно глубокий звук внезапно разрезал тишину ночного Инчуаня. Это не было похоже ни на крик птиц, ни на рев зверей; в звуке слышалось некое странное, эфирное начало, которое, изгибаясь, уносилось ввысь и разливалось далеко-далеко под лунным сиянием. Цзян И закрыл глаза, позволяя звукам течь, словно он изливал свои одинокие мысли и тайны, понятные лишь ему одному, этому чужому времени и той, что играла на цитре под луной.

Он не знал, что на втором этаже гостиницы Юэлай, что в восточной части города, у окна, выходящего на улицу, Цай Янь еще не спала. Она сняла украшения, ее густые, как водопад, волосы рассыпались по плечам. Она прислонилась к раме, глядя на яркую луну, и ее мысли были полны смятения. Радость встречи, захватывающие беседы, тайны, доверенные музыке, трепет от близости под луной и то самое решение, принятое в порыве отчаяния — все это теснилось в ее сердце.

В этот момент необычный, чистый и мелодичный звук свирели, подхваченный ночным ветром, отчетливо донесся до ее слуха. Она слегка вздрогнула, прислушалась, и вслед за этим на ее прекрасных губах расцвела улыбка — понимающая, наполненная тихой сладостью и утешением, словно весенний ручей, пробивающийся сквозь лед. Она смотрела в ту сторону, откуда доносился звук, и казалось, что замешательство и печаль в ее глазах были развеяны этим странным ответом, оставляя лишь нежное сияние, подрагивающее в лунном свете.

Ночь была еще длинна. Лунный свет Инчуаня безмолвно окутывал древний город, только что переживший пламя войны, и два сердца, что встретились в эту смутную эпоху и начали робко тянуться друг к другу, и те молодые души, чье завтра должно было изменить ход истории.

<http://bllate.org/book/18471/1771460>